

Дождавшись, пока забрезжит рассвет и утихнет падавшая крупными хлопьями метель, Сяхоу Лянь дождался Дай Шэньяня и Се Цзинланя; неожиданно к ним присоединился и Се Бинфэн. С мрачным и озабоченным лицом он окинул взглядом посиневшего, бледного как полотно Сяхоу Ляня, вид у которого был такой, будто он вот-вот испустит дух, и почувствовал укол совести. Однако, помня о репутации Се Бинфэна как лицезэра, Сяхоу Лянь во всём видел лишь фальшь и позёрство.

Дай Шэньянь пощупал лоб и шею Сяхоу Ляня и произнес:

— Малыш крепок здоровьем: просидел всю ночь в продуваемой всеми ветрами караулке и даже не заболел.

С этими словами он снял собственный плащ и укутал в него Сяхоу Ляня.

Плащ был из меха норки, и пушистые ворсинки щекотали лицо, возвращая озябшим щекам Сяхоу Ляня хоть какое-то тепло.

В его словах сквозь намёк прочитывался упрек, отчего старое лицо Се Бинфэна слегка покраснело. Он тоже подошел и потрепал Сяхоу Ляня по голове:

— Ну вот и славно. Эх, госпожа тоже хороша: ты ведь совсем ребёнок, пусть и оплошал, но подвергать тебя столь суровому наказанию не стоило. Раз всё в порядке, ступай к себе и как следует отдохни, а в следующий раз не смей нарушать правила.

Эта фраза вроде бы звучала утешительно, но в каждом слове сквозило напоминание о том, что Сяхоу Лянь нарушил правила и совершил проступок. Се Бинфэн давал понять, что наказание было вполне заслуженным, и лишь по их великой милости мальчишку соизволили отпустить.

Речи Се Бинфэна едва не довели Сяхоу Ляня до кровавой рвоты. Он уже открыл рот, собираясь возразить, но Се Цзинлань крепко сжал его руку и чуть заметно покачал головой.

Хотя Се Цзинланя не запирали в караулке, лицо его казалось еще более бледным, чем у Сяхоу Ляня, — на нём не осталось ни единой капли крови, словно это он провел всю ночь на холоде, а не Сяхоу Лянь.

Сяхоу Лянь встревожился:

— Ты в порядке?

— Надо же, какой чести удостоился простой слуга: старший господин дома Се и великий конфуцианский ученый пожаловали сюда едва ли не на рассвете. С утра пораньше столько народу столпилось у меня под окнами — я уж подумал, будто в моей караулке пожар.

Не успел Се Цзинлань ответить, как раздался высокий женский голос, и все увидели приближающуюся высокую женщину в сопровождении нескольких служанок.

То была госпожа Сяо со злобным блеском в глазах и ногтями, густо окрашенными ярко-красным бальзамином.

— Если разобраться, во всем виновата я: не рассчитала сил и продержала ребенка в заточении всю ночь. Быть может, мне принести вам официальные извинения?

Се Бинфэн поморщился, чувствуя, как начинает болеть голова, и через силу произнес:

— На этом закончим. Наругал — так наругал, наказал — так наказал, пусть идет отдохнуть. Хотя законы нашего Поместья Се суровы, мы издавна славимся милосердием к слугам и никогда не притесняем их. Тебе следует крепко усвоить это, раз уж ты ведешь хозяйство в нашем доме.

Лучше бы он молчали. Стоило Се Бинфэну произнести эти слова, как госпожа Сяо взвилась, будто ей наступили на хвост, и ее лицо мгновенно исказилось.

С натянутой, злой улыбкой она процедила:

— Ах да, конечно! Я ведь не умею вести хозяйство и обижаю слуг, роняя авторитет уважаемого мужа. Впредь слуга покорная будет неукоснительно следовать семейным правилам и проявлять доброту к окружающим. Впрочем, этот мальчишка по имени Сяхоу Лянь так речист — он мне приглянулся. Что, если я оставлю его при себе, чтобы он смешил меня забавными байками? Как на это смотрит господин?

Се Цзинлань и Сяхоу Лянь одновременно почувствовали, как по спине пробежал холодок, и оба, словно сговорившись, шагнули назад, прячась за спину Дай Шэнъяня. Сяхоу Лянь со страхом бросил взгляд на Се Цзинланя — в глазах того читались тревога и испуг.

Дай Шэнъянь жестом, не привлекающим внимания, заслонил обоих мальчишек и спокойно произнес:

— К несчастью, этот мальчик уже выкуплен стариком, и ныне он — мой личный слуга.

— Вот как? И впрямь выкуплен? — изумилась госпожа Сяо.

Се Бинфэн кивнул:

— Разве ученик не говорил? Если учитель так благоволит этому ребенку, пусть забирает. Благородный муж не торгуется из-за каждого гроша, чтобы не портить отношения.

Госпожа Сяо прикрыла рот рукой и с усмешкой произнесла:

— Подумать только, какое у нас с господином Даем совпадение! Но ребенок этот мне тоже страсть как по душе, а его отпускная грамота хранится у меня. Если я упрюсь и не отдам его, неужели почтенный Дай станет отнимать у меня человека?

Лицо Дай Шэнъяня наконец помрачнело.

Атмосфера в караулке стала донельзя напряженной. И без того тесное помещение едва вмещало пятерых человек, и от удушливой тесноты у Сяхоу Ляня перехватило дыхание. Ему уже не было холодно — напротив, сделалось даже жарко. Затхлый запах гнилого дерева смешался с тяжелым ароматом пудры госпожи Сяо, окончательно лишая его возможности нормально дышать.

Дай Шэнъянь опустил сухую костлявую руку на голову Сяхоу Ляня — его ладонь иссохла настолько, что казалась сплетением древесных сучьев, но в стужу ее ладонь сохраняла живое тепло.

И этого скупого тепла оказалось вполне достаточно: Сяхоу Лянь вдруг странным образом успокоился.

Шмыгнув носом, он уловил родной запах матушки.

Дай Шэнъянь погладил бороду и заговорил неторопливо и вежливо:

— Честно говоря, старик разглядел в этом мальце острый ум и редкие способности. Если заняться его воспитанием всерьез, в будущем он непременно станет опорой государства: умом укрепит страну, а мечом усмирит смуту, постигнет великие учения Конфуция и Чжу-цзы, продолжит дело Чжугэ Сяньжэня и превратится в мудреца на все времена, в живой пример для будущих поколений. Я твердо верю, что вы, уважаемые супруги, не позволите столь редкому самоцвету сгинуть в пыли.

Мудрецу на все времена? Живой пример для будущих поколений?

Се Бинфэн и госпожа Сяо уставились на Сяхоу Ляня. В тот же миг из носа у мальчика вытянулась прозрачная сопля и поползла прямо по верхней губе. Сяхоу Лянь яростно втянул воздух — сопля с хлопаньем исчезла, оставив после себя блестящий след.

Се Цзинлань и Дай Шэнъянь предпочли сделать вид, будто ничего не заметили.

Сяхоу Лянь слегка смутился, но тут же напустил на себя невозумный вид и выпалил:

— А может, Конфуций в свои двенадцать лет тоже был сопливым мальчишкой?

Се Цзинлань тихо пробормотал:

— Конфуций в двенадцать лет уже умел расставлять ритуальную утварь и соблюдал все правила благопристойности.

— Какая еще утварь? Фасоль? Она вкусная?

Се Цзинлань: «.....»

Дай Шэнъянь, годами служивший при дворе, отточил искусство не моргнув глазом нести чушь дочередного совершенства. Он с чистой совестью разглядел черты великого учителя всех поколений в опустившем голову Сяхоу Ляне и продолжил гнуть свое:

— Этот ребенок — прирожденный талант. Старик повидал на своем веку немало людей и не может ошибаться. Я твердо намерен сделать его своим учеником. Если госпоже тяжело с ним расстаться, у меня не останется выбора, кроме как пригласить сюда городского голову судить наш спор, дабы мы могли как следует обсудить это дело с госпожой.

Цзиньлинский префект Су Чжоуэн числился среди трех тысяч учеников Дай Шэнъяня и славился своей страстью к поиску талантливых мужей. Появление здесь префекта означало бы, что Сяхоу Ляня придется отдать добровольно.

Теперь настала очередь госпожи Сяо бледнеть от злости. Если она могла давить на людей с помощью власти мужа, то Дай Шэнъянь с тем же успехом мог козырять своим почтенным возрастом. И хотя формально по законам Сяхоу Лянь оставался слугой клана Се, и стоило Се Бинфэну упереться — мальчик не смог бы переступить порог поместья, — против человеческой молвы не пойдешь. Дай Шэнъянь возглавлял ученые круги Поднебесной, и если бы клан Се отказался отдать мальчишку, на них тотчас легло бы клеймо губителей талантов.

И это притом, что этот самый «талант» не знал наизусть ни единого стихотворения и отродясь не держал в руках ни одной книги мудрецов.

— Моя глупая жена просто не ведает, что творит, учитель, прошу, не сердитесь. Вы учите всех без разбору, и обрести столь одаренного ученика под крышей убогой караулки — поистине прекрасная история. Как может моя жена сметь чинить препятствия? — Се Бинфэн повернулся к супруге. — Дорогая, на дворе утро, на улице холодно, ступай-ка лучше к себе отдохнуть.

Госпожа Сяо холодно фыркнула:

— Что ж, в таком случае я поздравляю уважаемого Дай Шэнъяня с обретением любимого ученика! Надеюсь, он и впрямь оправдает слова учителя и умом спасет страну, а мечом

усмирит смуту!

Сяхоу Лянь обладал трезвым взглядом на вещи и тотчас подумал, что уж натворить бед он точно мастер, а вот надеяться на него в деле управления страной — верный путь к скорой гибели государства.

Дай Шэнъянь с безмятежной улыбкой кивнул:

— Разумеется.

Он произнес «разумеется», а не «благодарю», отчего лицо госпожи Сяо сделалось еще чернее.

Вид у Се Цзинланя был хуже некуда — он походил на живой труп. Дождавшись, пока госпожа Сяо и Се Бинфэн удалятся, Сяхоу Лянь протянул руку и потрогал его лоб: мальчик и впрямь горел в лихорадке.

Здоровье Се Цзинланя было куда более хрупким, чем у какой-нибудь знатной барышни, что носа не казала из внутренних покоев. Сяхоу Лянь даже не стал цыкать языком от досады: без лишних слов взвалив Се Цзинланя себе на спину, он бросил на ходу благодарность Дай Шэнъяню и что есть мочи помчался во Двор Осеннего Тунгового Дерева. Оставленный на снегу Дай Шэнъянь только покачал головой, не зная, смеяться ему или плакать.

Во Дворе Осеннего Тунгового Дерева вновь поднялась суматоха, все забегали кругами.

Се Цзинлань пролежал в постели с тяжелой простудой несколько дней, в то время как Сяхоу Лянь, просидевший в караулке всю ночь, повялился чуть-чуть да и быстро вернулся в прежнюю форму. Сяхоу Лянь отличался крепким телосложением, с малых лет занимался боевыми искусствами и упражнялся с мечом, заложив отличную базу: пропотел разок от жара — и как рукой сняло. Не то что Се Цзинлань, который выглядел так, будто побывал на пороге смерти, заставляя всех вокруг замирать от страха.

Ляньсян чуть не плакала от жалости и не переставая ворчала:

— И угораздило же этого Дай Шэнъяня заночевать именно в ту ночь у господина Су! Из-за него молодой господин, едва оправившись, едва не до конца окрепнув, полез через стену на поиски учителя. Просто до смерти напугал!

Матушка Лань утешала ее:

— Тут уж ничего не попишешь. Главное, что теперь с молодым господином все хорошо, отлежится — и поправится.

— Сестрица Ляньсян, это что же, молодой господин за мной подмогу привел? — неизвестно откуда вынырнувший Сяхоу Лянь до смерти испугал девушку.

Вчера Сяхоу Лянь забрал свою отпускную грамоту. Поразмыслив над ней добрую половину дня, он не стал ее ни выбравывать, ни сжигать, а отправился к Дай Шэнъяню с вопросом, нельзя ли передать этот документ Се Цзинланю. Дай Шэнъянь ответил уклончиво, мол, это его личная воля, пусть поступает так, как считает нужным.

Тогда Сяхоу Лянь засунул грамоту обратно за пазуху и пошел назад. Проходя мимо кухни, он случайно услышал бормотание Ляньсян.

Он никак не ожидал, что Се Цзинлань, свалившийся без чувств от болезни, смог подняться на ноги и пойти вымаливать для него помощь.

Ляньсян прижала руку к груди, пытаясь унять сердцебиение, и сердито выпалила:

— Что за манера вечно пугать людей из-за угла? Конечно он! Молодий господин узнал, что тебя заперли, и места себе не находил от беспокойства. Как только я разузнала, что Дай Шэнъянь гостит в доме Су, молодой господин сразу же полез через стену, и мы с матушкой Лань не смогли его остановить. Наглotalся сырого утреннего ветра натошак — немудрено, что слег с лихорадкой!

Сяхоу Лянь выхватил у нее из рук лекарство:

— Я сам отнесу.

Стоило ему взять пиалу, как в нос ударил резкий горький запах отвара. Сяхоу Лянь поморщился: поистине тяжело приходилось Се Цзинланю — пить такую гадость да еще целыми днями. Сам Сяхоу Лянь за всю жизнь почти не глотал лекарств: во-первых, матушка вечно пропадала в горах, и некому было за ним ухаживать во время болезни, а во-вторых, организм у него был железобетонный — перетерпит пару дней, глядишь, и здоров.

Ляньсян уступала Сяхоу Ляню в проворстве: пока она соображала, пиала уже перекочевала в его руки. Девочке оставалось лишь бессильно топнуть ногой, наблюдая, как наглец улетучивается вместе с лекарством.

Приоткрыв дверь, Сяхоу Лянь сперва просунул внутрь голову, проверяя, проснулся ли Се Цзинлань.

Се Цзинлань полулежал на постели, подняв глаза от вороха свитков на шныряющего туда-сюда Сяхоу Ляня.

— Ну надо же, до чего усерден! Даже в таком состоянии книги читать не забываешь.

— Тебе тоже придется читать. Послезавтра учитель начнет лекции и объявил, что первое занятие будет посвящено проверке знаний по трудам Мэн-цзы. Ты хоть знаешь, кто такой Мэн-цзы?

Сяхоу Лянь похлопал глазами, мысленно перебирая в памяти всех известных мужей начиная с эпохи Трех Владык и Пяти Императоров, и наконец выудил из памяти имя, которое показалось ему наиболее подходящим:

— Мэн Цзяо? Я слышал его стихи: перед дальней дорогой стежки часты и плотны, из страха, что сын воротится нескоро.

Се Цзинлань был повержен наповал. Он-то думал, что Се Цзинтао — верх невежества, но Сяхоу Лянь оказался куда круче. Опустив глаза, он углубился в чтение и больше не обращал на него внимания.

Сяхоу Лянь поднес пиалу с отваром к губам Се Цзинланя, и тот выпил всё до дна, не моргнув глазом, из-за чего заготовленные заранее засахаренные фрукты Сяхоу Ляня так и негодились.

Се Цзинлань потянулся за свитком, но Сяхоу Лянь накрыл его руку своей и, подмигнув, лукаво протянул:

— Погоди, господин! Хочешь, покажу фокус?

— Не хочу, — даже не раздумывая, отрезал Се Цзинлань.

— Да погоди ты, это быстро! Ну взгляни хоть одним глазом!

Не найдя на Сяхоу Ляня управы, Се Цзинлань тяжело вздохнул и послушно откинулся на подушки, ожидая начала представления.

Сяхоу Лянь сначала продемонстрировал пустые руки, показывая, что в них ничего нет, затем сделал грабящее движение в воздухе, будто поймал невидимую вещицу, и поднес кулак прямо к носу Се Цзинланя.

Улыбаясь от уха до уха, он кивком предложил Се Цзинланю разжать его ладонь. Се Цзинлань смерил его презрительным взглядом и с явной неохотой приоткрыл пальцы Сяхоу Ляня. На ладони лежал измятый в комок бумажный шалом — потрепанный и унылый, он до боли напоминал туалетную бумагу.

— — До чего же паршивая штука, как же хочется просто проигнорировать его!

Рука Се Цзинланя снова потянулась к книгам.

— Эй, прояви уважение, разверни посмотри!

Поколебавшись пару секунд, Се Цзинлань все же развернул бумажку и вдруг замер:

— Ты... зачем отдал мне свою отпускную грамоту?

— До того как за мной придет матушка, я останусь твоим мальчиком для чтения. Так что пускай эта бумага пока полежит у тебя, сбереги ее как следует.

— С какой стати? Забирай обратно.

Сяхоу Лянь силой вложил грамоту в руку Се Цзинланя:

— Живо прячь! Другой бы рад заполучить мою отпускную, да кто ж ему даст.

Се Цзинлань пробормотал:

— Тьфу, подумаешь, сокровище нашлось.

И тем не менее он аккуратно убрал документ в шкатулку, запер ее на крошечный замок и спрятал на дно сундука с одеждой. Покончив с этим, он повернулся обратно и разжал второй кулак Сяхоу Ляня — внутри лежала покрытая зеленой патиной медная монета.

Се Цзинлань взял ее в пальцы:

— Что это? Судя по виду, времен династии Тан?

— Я нашел ее в одной могиле в горах. Сперва откопал целых четыре штуки, но матушка забрала три и сказала, что бережет их для меня как семейную реликвию, чтобы потом подарить жене.

Нашел в могиле? Да от нее же за версту разит нечистотами!

Словно ошпаренный кипятком, Се Цзинлань швырнул монету обратно Сяхоу Ляню:

— Твоя матушка часом не ужом тронулась? Кому нужна эта дрянь? Подаришь такое порядочной девушке — глядишь, она от тебя тут же сбежит.

Сяхоу Лянь водворил монету на место в ладонь Се Цзинланы:

— Возьми. Когда я уйду, если вдруг захочешь меня увидеть, поднимись на самое высокое место в городе. Где бы я ни находился, пока я жив — обязательно приду к тебе.

Произнося эти слова, Сяхоу Лянь выглядел на редкость серьезным. Се Цзинлань никогда еще не видел его таким: обычно тот вечно валял дурака и шагал вразвалочку, а сейчас ни тебе кривляний, ни шуточек — непривычно даже.

Медная монета в ладони еще хранила тепло тела Сяхоу Ляня. Руки у того вечно мерзли, а зимой и вовсе леденели, но сейчас остывший металл под воздействием жара его кожи казался раскаленным, и это жгучее тепло по венам руки передавалось прямо в грудь.

Оно обжигало почти до боли.

Несколько растерявшись, Се Цзинлань заикнулся:

— Ты... — он осекся и глухо бросил: — Пустяки, Сяхоу Лянь. Мать умерла — и я привык. Отец знать не знает — и к этому привык. Когда тебя не станет рядом, я тоже привыкну. В конце концов, что бы ни случилось, ко всему со временем привыкаешь.

Поглаживая пальцами медный кругляш, он немного помолчал и добавил:

— Впрочем, когда я вырасту и стану большим чиновником, я пошлю людей схватить твоего главаря, и тогда ты обретешь свободу и больше не будешь воровать.

— Ладно! Тогда впредь маленький слуга целиком и полностью полагается на вас, молодой господин!

За окном чья-то пара глаз с недовольством наблюдала за происходящим в комнате. Увидев, как они уселись плечом к плечу над книгами и затихли, соглядатай отвел взгляд. Ляньсян, ссутулившись под окном, со зла выдернула пучок сухой травы и медленно поплелась в задний двор.

Матушка Лань, заметив ее вид, участливо поинтересовалась:

— Что стряслось?

— Молодой господин несправедлив, — обиженно буркнула Ляньсян.

— Ты о том, что он слишком привязался к Сяо Ляню? — улыбнулась матушка Лань.

— То-то и оно! Мальчишка пришел невесть когда, а молодой господин от него не отходит. Сегодня этот негодяй притащил какую-то ржавую монету, неизвестно где подорожную, а молодой господин хранит ее как зеницу ока! Я же на днях вышила для него кошелек, так он и близко не радовался так сильно.

— Тоже мне диковина. — Матушка Лань налила горячей воды и вложила чашку в руки Ляньсян, чтобы та согрелась. — До появления Сяо Ляня мы с тобой только и знали, что прятать молодого господина от греха подальше, следить за каждым шагом, чтоб не дать главному двору повода для придирок. Сама посуды: я — старуха непутевая, умею только стирать, готовить да мести полы; молодой господин жаждет учиться, а я ведь грамоте не обучена, помочь ничем не могу.

А пришел Сяо Лянь — и книги раздобыл, и помог молодому господину стать учеником самого Дай Шэнъяня. У жизни молодого господина наконец появилась надежда. Сяо Лянь не просто защищает его — он из кожи вон лезет ради его желаний, готов без оглядки рисковать собственной шкурой. Скажи, Ляньсян, смогла бы ты так же?

— Я... но... но ведь из-за этого сорванца молодой господин пострадал!

— Эх, будь Сяо Лянь рядом или нет, а наказания не миновать. Характер у нашего господина гордый — терпеть унижения он не станет, а нрав госпожи Сяо таков, что она в любом случае спуска не даст, — покачала головой матушка Лань. — К тому же мы — женщины, а Сяо Лянь — парень. Молодой господин вырос, а друзей у него отродясь не было.

Ляньсян опустила голову и принялась вычерчивать носком туфельки круги на земле, нехотя выговорив:

— Ладно уж. Больше не буду придираюсь к этому сорванцу.

— Вот и славно. Ты — девушка, Сяо Лянь — парень, как бы сильно молодой господин к нему ни привязался, тебя он все равно не заменит.

В словах матушки Лань крылся скрытый смысл, и Ляньсян, прекрасно все поняв, тотчас повеселела.

— Кстати, а зачем ты вышивала тот кошелек? Для чего он молодому господину?

Ляньсян ответила:

— У молодого господина невесть когда вошло в привычку собирать лепестки цветов. Раньше он закладывал их в книги, они там все сминались, но выбросить он не разрешал. Я сделала из них сухие цветы и спрятала в кошелек, чтобы лучше сохранились.

— А те лепестки-то были собраны Сяо Лянем. Ляньсян, столько трудов вложила — считай, свадебное платье для Сяо Ляня сошила.

— — Ляньсян чуть не выплюнула кровь от досады.

<http://bllate.org/book/26257/3145235>